

Первый роман

Вера и Марина ВОРОБЕЙ

Черепашкина любовь

Первый роман

Вера и Марина Воробей

Черепашкина любовь

«РОСМЭН»

Воробей В.

Черепашкина любовь / В. Воробей — «Росмэн», — (Первый роман)

Эта книга открывает новую серию романов для девочек, которую тоже написали сестры Воробей. В ней вы встретитесь с новыми героями – Люсей Черепahiной и ее подругой Лу Геранмае, которые учатся в седьмом классе одной из московских школ. Люся влюбилась впервые в жизни. Десятиклассник Гена Ясеновский, на которого засматривались все девчонки в школе, неожиданно признался ей в любви. Черепашка (так называла Люсю ее верная подруга Лу) сначала отнеслась к Гениному признанию с недоверием, а потом влюбилась без памяти.

© Воробей В.

© Росмэн

Содержание

1	5
2	10
3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Вера и Марина Воробей

Черепашкина любовь

1

– Тоска... – Шурик Апарин нарочито громко вздохнул и обвел невыразимо горестным взглядом стены школьного коридора, выкрашенные в унылый серо-зеленый цвет.

– Ясно. Не дашь, значит? – Геша понуро опустил голову.

– Ну зачем так трагично, Гешуша? Мне-то этот снегоход по-любому на каникулах не пригодится. Ты же в курсе, предки меня в Египет увозят... Чем в гараже пылиться, лучше уж ты на нем покатаешься... Хоть какая-то польза. И потом...

– Значит, дашь?! – Геша Ясеновский остановился, с надеждой взглянул на товарища и порывисто запустил руку в свою курчавую темно-русую шевелюру. Волосы его были настолько густыми и непокорными, что торчали вокруг головы шапкой, образуя почти идеальной формы круг.

Шурик посмотрел на Гешу долгим печальным взглядом:

– Вот видишь, ты даже выслушать меня не желаешь! Тебе этот снегоход сейчас важнее всего на свете! Я же говорю: тоска! Скучно жить на свете, Гешунь! Я бы даже сказал, уныло... Все как-то предсказуемо до тошноты! Вот раньше люди, в девятнадцатом, к примеру, веке, розыгрыши разные придумывали, шарады, мистификации всякие...

– Ты чего, Шурик? – Геша недоверчиво и даже с опаской покосился на одноклассника. – Ну, душит тебя жаба – так так и скажи! И нечего тут философию гнилую разводить! Шарады всякие, понимаешь...

– Да дам тебе его, дам, успокойся, – грубо оборвал товарища Шурик, а потом криво улыбнулся и добавил с ехидцей: – Но только не за так.

Геша засунул руки в карманы и сказал, глядя себе под ноги:

– Шур, тут такая тема... короче, я сейчас на мели...

– А мне твои деньги и не нужны, – нетерпеливо перебил Шурик. – Я кое-что поинтереснее придумал!

Время от времени до их слуха доносились звонкие, сухие удары баскетбольного мяча. Приятели остановились напротив спортзала.

– Интересно, кто там сейчас занимается? – Шурик кивнул в сторону закрытой двери.

В ответ Геша только плечами пожал. Ему это было совершенно неинтересно.

– Давай посмотрим! – неожиданно весело предложил Шурик.

– Да какая тебе разница? – все еще недоумевал Геша.

– Очень даже большая! – Шурик прильнул к двери и, осторожно потянув на себя одну из ее створок, заглянул в зал.

– То, что доктор прописал! – просвистел он загадочным шепотом секунду спустя.

– Хватит темнить! – почти всерьез обиделся Геша. – Надоело!

Шурик же, словно не заметив возмущенного тона Гешы, заговорил вдруг голосом серьезным и негромким:

– Насколько я могу судить, там сейчас занимаются восьмиклашки... В настоящий момент девочки отрабатывают бросок в кольцо... Чуешь, к чему клоню?

Геша полным неподдельного недоумения взглядом уставился на друга.

– И вот что я намерен предложить тебе взамен за безраздельное пользование моим, заметь, не самым плохим на свете снегоходом.

Геша напрягся, весь как-то подобрался и буквально впился глазами в Шурика. А тот неспешно продолжал излагать:

– Та из них, которая... – он на мгновение задумался, – пусть будет три...

– Чего три-то? – нетерпеливо перебил Геша.

– Три подряд попадания в кольцо.

– И чего?

– Ох и непонятливый же ты, Гешбалайф! Все-то тебе нужно разжевать и прямо в рот положить!

– Какой есть, – недовольно буркнул Геша Ясеновский и отвернулся.

– Ладно, не обижайся! Условие в общем-то безобидное... Короче, с той из девчонок, которая первой три раза подряд забросит мяч в корзину, ты должен будешь закрутить... Пряма даже не знаю, как и выразиться, чтобы попримичней было!.. – Шурик сморщился и почесал затылок. – Короче, вся школа должна считать вас за влюбленную парочку или, как говаривали в старину, за жениха и невесту. Вот такая вот шарада... И чтобы все по-настоящему, без обмана. Чтoб она ни о чем не догадалась. Шарадить – так уж по полной программе! Иначе я буду считать тебя не выполнившим условие договора и, как следствие, моим должником... – Шурик испытующее взглянул на товарища.

– Все сказал? – Геша со злостью уставился на носки своих кроссовок.

Он нарочно не поднимал голову, чувствуя на себе наглый, насмешливый взгляд Шурика.

– Нет, еще не все, – ответил тот и, нарочито лениво растягивая слова, продолжил:

– Стартуешь четырнадцатого января, то есть в первый день третьей четверти, а финишируешь ровно через месяц, то бишь четырнадцатого февраля, в день святого Валентина, который, как известно, принято считать днем всех влюбленных, – без тени улыбки произнес Шурик, после чего лицо его расплылось в добродушной улыбке.

– У тебя что, крышу снесло, Апарин? – Геша окинул товарища враждебным взглядом.

– Не спеши с выводами, Гешбарий!

Вообще-то Гешу звали Геной. Но так его отродясь никто не называл. Шурик же умудрялся и это, уже видоизмененное имя перекручивать совершенно невообразимым образом: то Гешбарием его, как сейчас называл, а то и вовсе каким-нибудь ханом Гешбатыром!

– Моему батюшке сотрудники на Новый год подарили снегоход...

– Как, еще один? – не выдержал Геша.

– В том-то и дело, Гешиторий... Отец-то у меня человек не хвастливый, скромный, потому-то, наверное, его подчиненные и не в курсе были, что у шефа уже имеется в наличии подобного рода техника... Правда, новый слегка покруче будет... Но это уже детали. Словом, если ты принимаешь мое условие, считай, что старый снегоход – твой.

На Гешинoм лице проступили темно-розовые пятна. Он поднял на Шурика глаза и заговорил сдавленным, надтреснутым от волнения голосом:

– Но ведь снегоход мне именно на каникулах нужен... А ты говоришь, что... – тут он запнулся, вытер рукавом вспотевший лоб и с видимым усилием выговорил: – С-с-тартовать после...

– Да бери его хоть завтра! – Шурик беззаботно махнул рукой. – Катайся на здоровье! Мне для друга, как видишь, ничего не жалко! Можешь считать это авансом.

– Допустим, я соглашусь... – Казалось, каждое слово давалось Геше с большим трудом. Он морщился, будто от боли, то и дело останавливался и сглатывал слюну. Слова точно застревали у него в гортани: – Но тебе-то самому это зачем? Не понимаю...

– Хотя я и не считаю себя обязанным что-либо объяснять, но так и быть, тебе, как старому другу, скажу. Мы с тобой, Гешберт, редко говорим о будущем, а между тем оно не за горами. Словом, я решил связать свою жизнь с литературой.

Тут глаза Геши округлились, и он часто-часто заморгал, тупо уставившись на Шурика. Но тот как ни в чем не бывало продолжал тоном преподавателя, читающего лекцию нерадивым ученикам:

– Но для того чтобы стать писателем, желательно поступить в Литературный институт. А для того чтобы туда поступить, желательно иметь какие-нибудь опубликованные произведения... А тут на днях мне попало объявление: один весьма уважаемый журнал проводит литературный конкурс для дебютантов. То есть для таких, как я. Это должен быть рассказ или небольшая повесть о романтической любви... Конкурс называется «Первая, чистая, светлая». – Шурик сделал паузу и со значением посмотрел на Гешу. – Это, в смысле, любовь, – криво ухмыльнувшись, пояснил он и заговорил вдруг деловым, сухим тоном:

– Работа должна быть отправлена не позднее первого марта... И вот тут-то, Гештар, мне без тебя не обойтись!

– В смысле? Писать, что ли, за тебя? – Геша недоверчиво покосился на одноклассника.

Шурик расхохотался прямо ему в лицо:

– С этим я как-нибудь без тебя справлюсь... А вот материал... Знаешь ли ты, Гешундий, что способно вдохнуть в литературное произведение жизнь? Сделать его объемным, дышащим?

Геша смущенно покачал головой: дескать, не знает.

– Подробности! – Шурик Апарин поднял вверх короткий и пухлый палец. – Словом, ты, Гешматорий, рискуя собственной... честью, будешь добывать эти самые подробности для моего бессмертного творения. А я этот добытый тобой материал буду литературно и талантливо обрабатывать! Классно я придумал?

– Это чего? Я, значит, должен с ней типа шуры-муры крутить и каждый день тебе докладывать? – Геша все еще не мог поверить, что Шурик вполне серьезно предлагает ему такую чушь.

– Иногда ты просто поражаешь меня своей сообразительностью. – Шурик покровительственно похлопал товарища по плечу: – Но предупреждаю сразу: на соавторство не рассчитывай!

– На что не рассчитывать?

Высокий, стройный, курчавый и ясноглазый Геша с нескрываемым недоумением смотрел сверху вниз на своего коренастого, круглолицего, с вечно лоснящейся кожей товарища.

– Не важно, – отмахнулся тот, приглаживая свои реденькие и почему-то вечно слипшиеся волосы. – Ну что, по рукам?

– погоди! А почему ты хочешь, чтобы девчонка была именно из восьмого класса, а, скажем, не из десятого?

– Слова эти выдают в тебе полное отсутствие творческого начала и воображения! И потом, Гешмуарий, не слишком ли много вопросов ты задаешь? До звонка осталось пять минут. Решайся!

Вместо ответа Геша неуверенно шагнул к белой тяжелой двери и осторожно приоткрыл одну из створок. Теперь оба приятеля могли видеть, как старательно восьмиклассницы отрабатывают бросок в кольцо.

– Геранмае! – выкрикнул физрук, делая в классном журнале какую-то пометку.

С низенькой скамеечки, стоявшей у стены, резво вскочила высокая, смуглая и чуть полненькая девочка. С неожиданной для своей комплекции легкостью она подбежала к баскетбольной стойке. Ее пышные, удивительного цвета – черные, с синеватым отливом – волосы были стянуты на затылке в «хвостик», вернее, в самый настоящий тяжелый «конский хвост». Выглядела она старше своих одноклассниц. Держалась раскованно и как-то даже весело. Улыбка не сходила с ее лица, и, казалось, девушке стоит больших усилий сдерживать себя, чтобы вдруг не расхохотаться без всякой причины.

Внезапно, словно почувствовав, что за ней наблюдают, она бросила стремительный взгляд в сторону двери. От неожиданности Геша вздрогнул и отпрянул. Глаза у нее тоже были черными, а взгляд – пронзительный и острый. В эту секунду Геша подумал: «Пусть это будет она!»

– Что случилось? – поинтересовался Шурик, заметив замешательство товарища.

– Она, кажется, меня заметила.

– Кто?

– Ну, девчонка, которая сейчас будет в кольцо бросать...

– Ну и фиг с ней! – напутствовал товарища Шурик, и тогда тот, неуверенно пожав плечами, снова немного приоткрыл дверь и приник лицом к образовавшейся щели.

– Подвинься! – Шурик локтем пихнул Гешу в бок. – Я должен тебя проконтролировать.

Смуглая девочка взяла в руки мяч, несколько раз ударила им об пол, прицелилась и легко, словно играючи, забросила его точно в кольцо.

– Везет же некоторым! – сквозь зубы процедил Шурик.

– Не сглазь! – шепотом попросил Геша.

– Классная девчонка! С такой и я бы не отказался... – не унимался Шурик. – Говорят, у нее папаша какой-то дико крутой: то ли принц, то ли шейх арабский. Видишь, какая она вся из себя черненькая!

– Лу, давай! – подбадривали девочку одноклассницы.

Она снова прицелилась, посмотрела на дверь, улыбнулась. Конечно, Лу видела, что за ней кто-то подглядывает. Девочка тряхнула головой, для чего-то перекинула «хвост» через плечо.

– Геранмае, бросай быстрее, а то Черепашкина не успеет, – нетерпеливо заметил физрук.

– Настроиться надо, Эдуард Дмитриевич, – даже не взглянув в сторону учителя, бросила она, легонько подпрыгнула и обеими руками вытолкнула мяч вверх.

Но на этот раз он, стукнувшись о металлическое кольцо, отлетел к кожаному «козлу».

– Черт! – прокомментировал это событие Геша.

Из десяти возможных попыток Лу Геранмае попала в кольцо шесть раз. Это был неплохой результат. Эдуард Дмитриевич поставил в журнал четверку, однако трех попаданий подряд не произошло.

– Слушай, Шурик, а если никто три раза не забросит? – с надеждой спросил Геша.

– Что ж, будем считать сделку несостоявшейся. Коль уж мы решили положиться на волю случая, значит, нужно быть последовательными до конца, – философски ответил Шурик.

И по Гешину лицу невозможно было определить, расстроил ли его такой ответ или наоборот. Немного помолчав, он все же решил уточнить:

– А как же повесть про любовь?

Шурик не успел ответить, потому что в этот момент вновь прозвучал басовитый голос физрука:

– Черепашкина!

Щупленькая маленькая девчонка, как-то робко поднявшись со скамеечки, неуверенными мелкими шажками приближалась к кольцу. Мяч, брошенный Геранмае, она не поймала и была вынуждена бежать за ним в противоположный конец спортивного зала.

У Черепашкиной были слегка волнистые пшеничного цвета волосы, едва доходившие ей до плеч. Основной же примечательной чертой ее не слишком яркой внешности являлись очки. В массивной черной оправе, сидевшие на самом кончике крошечного, чуть вздернутого носа, они казались неестественно огромными и придавали лицу девочки выражение какой-то напускной, невсамделишной, театральной строгости. Возможно, из-за этих самых очков, а может быть, по какой-то другой причине вся Черепашкина казалась девочкой понарошку, попавшей в школу, на урок физкультуры, по нелепой случайности. И трудно было представить себе обстановку, в которой бы эта трогательно миниатюрная девочка-подросток смотрелась бы органично и есте-

ственно... Разве что в стенах какого-нибудь сказочного хрустального дворца, таких же хрупких, как и она сама.

Но совсем иного рода мысли проносились сейчас в Гешиной голове. «Только бы она промазала! Только бы промазала! – даже не думал, а беззвучно шептал он. – Что же я с такой малявкой делать-то буду? Ей в детский сад ходить надо, в среднюю группу, а не на свидания бегать! Нет, народ меня точно не поймет! Ну, давай бросай, не тяни уже!»

– Давай, Люся, начинай! – словно услышав его мысли, напутствовал девочку физрук.

Она осмотрелась по сторонам, три раза стукнула мячом об пол, потом поправила съехавшие на кончик носа очки, еще немножко постояла, глядя с нескрываемым страхом на кольцо с порванной сеткой, и наконец, вздохнув глубоко, словно решившись на какой-то важный шаг, двумя руками снизу подбросила мяч к кольцу. Однако до цели мяч не долетел. Вслед за этим последовал еще один бросок, потом еще и еще. И все мимо. Одноклассники Черепашкиной, все – и мальчики и девочки, – от души, хотя и совсем беззлобно, веселились.

– Семь! – скандировали они, демонстративно загибая пальцы вытянутых вперед рук.

Но и на этот раз мяч не попал в корзину.

– Садись, Люся, хватит! – грустно сказал физрук.

– Так нечестно, Эдуард Дмитриевич, у меня еще три попытки есть! – как-то нараспев, с едва уловимой обидой в голосе ответила Черепашкина, готовясь к восьмому броску.

А спустя несколько секунд спортивный зал взорвался от ликующего, оглушительного крика.

– Молодец, Черепашка! Так держать! – что было сил орал ребята, вскакивая со своих мест. – Покажи класс! Че-ре-паш-ка! Че-ре-паш-ка!

Люся смущенно улыбнулась, положила мяч на запрокинутую ладонь правой руки, подпрыгнула на одной ножке и... о чудо! Через мгновение мяч снова проскользнул через кольцо!

Публика, что называется, редела и плакала.

А Люся Черепашкина привычным жестом указательного пальца поправила очки на переносице, потом слегка присела и, распрямившись как пружинка, будто бы всем телом вытолкнула мяч к корзине. И тот третий раз подряд угодил точно в цель.

Эдуард Дмитриевич поставил Люсе четверку с минусом. Он относился к ней с симпатией и часто жалел. Он считал эту девочку воздушным созданием, совершенно неприспособленным к существованию в грубом современном мире, где выживает тот, кто окажется проворнее и успеет урвать лучший кусок. Таких, как Люся Черепашкина, он называл про себя инопланетянами.

Почему-то именно это слово навязчиво крутилось в голове у Геши Ясеновского, когда они с Шуриком курили под лестницей. «Инопланетянка какая-то! Вот влип!» – думал он, уставившись пустым взглядом в пыльный бетонный пол.

2

Этот сон приснился Люсе под старый Новый год, в ночь с тринадцатого на четырнадцатое января. Обычно на утро она, как ни силилась, никогда не могла вспомнить, что же ей снилось? Оставалось какое-то общее ощущение, похожее скорее на запах или на что-то неуловимое, а вот сами события куда-то ускользали. На этот же раз Люся настолько детально помнила все, что произошло с ней в этом странном сне, будто речь шла о кинофильме или же о только что прочитанном фантастическом рассказе. Впрочем, общее ощущение тоже осталось. Оно было похоже на предчувствие очень важного, радостного, но вместе с тем тревожного события... И сейчас Люся, вспоминая свой сон, с удивлением ощутила выступившие на глаза слезы.

Она шла по многолюдной шумной улице. Шла, как обычно, никуда не торопясь. Душа буквально разрывалась на части от переполнявшей ее радости и гордости. Люся как бы видела себя со стороны: видела улыбку на своем лице, удивительной свежести румянец, длинное голубое платье и точно такого же цвета шляпу с широкими полями, которая необыкновенно ей шла. И туфли. Лазурного цвета, лаковые, с маленькой золотой пряжкой. Во сне Люся как будто бы знала, что туфли эти новые, и именно на это обстоятельство списывала легкий дискомфорт, который ощущала при ходьбе. Туфли ей слегка жали. Но в остальном все было просто замечательно: Люся казалась себе удивительной красавицей. Встречные прохожие расступались, уступая ей дорогу, они буквально столбенели и провожали девушку долгими, восхищенными взглядами. Мимо, по проезжей части, с визгом проносились машины. Но сидевшие за рулем мужчины, а в некоторых случаях и женщины все же успевали заметить ее необыкновенную красоту и столь же необыкновенного спутника. Причина ее гордости крылась именно в нем, в том, кто шел с ней рядом. И хотя Люся не смотрела на него, она знала наверняка: он здесь.

Она чувствовала его присутствие и любовь, которую, казалось, излучало все его существо, и эта любовь была осязаема не только Люсей, но и всеми вокруг. Ее спутником был кот. Весь дымчатый, гладкошерстый, и только самые кончики лап, словно одетые в носочки, были белыми. Кот грациозно ступал, мягко опуская лапки на асфальт, и смотрел прямо перед собой, а не на Люсю. Хвост его был гордо задран, а самый его кончик слегка подрагивал.

Во сне Люсе вовсе не казалось странным, что она идет по многолюдной улице на пару с котом. Она знала, что это ее кот, но при этом совсем не ощущала себя его хозяйкой, а скорее наоборот. И вообще она относилась к нему даже не как к существу равному себе, а как к вышшему. Из всех людей он выбрал именно ее. И от осознания этого счастья можно было умереть. Она шла и думала: «Неужели так будет всегда?» И в следующую секунду услышала: «Ну вот и все». Ее спутник не открыл рта, он даже не посмотрел в ее сторону. Он сказал это телепатически. А когда она, вздрогнув, остановилась и посмотрела вниз, то не увидела его. В ужасе Люся начала озираться по сторонам в поисках кота. Но люди, те самые, которые только что в безмолвном восхищении раступались перед ними, сейчас, будто не замечая ее, толкались, с досадой цыкали и с совершенно равнодушными лицами проходили мимо.

И тут она испытала отчаянный ужас, как однажды, когда была совсем маленькой и потерялась в огромном магазине. Тогда какая-то сердобольная тетенька повела ее куда-то, она рыдала, вокруг сустились взрослые, а потом за ней пришла мама. Но сейчас, во сне, Люся знала: никто не станет ее искать, потому что она никому не нужна. Она осталась одна, одна на всем белом свете. И тогда Люся подняла голову вверх и увидела, что на троллейбусных проводах сидит огромная ворона и беззвучно открывает клюв. И тут Люся поняла: это и есть ее кот, только теперь он уже не кот и не ее. Ворона же продолжала широко разевать клюв. И в этот момент до Люсиного слуха откуда-то из далекого далека донесся низкий, грубоватый смех. Было ясно, что птица хохочет над ней. На этом месте сон обрывался.

Люся села на кровати, глянула в окно и внезапно вспомнила, что именно смех, реальный мужской смех и разбудил ее. Они с мамой жили на третьем этаже, и в окнах у них стояли самые обыкновенные деревянные рамы, а не стеклопакеты, как у многих сейчас. Поэтому все громкие звуки легко проникали в их квартиру. Вполне возможно, что на улице засмеялся какой-нибудь прохожий и смех его вначале впелся в Люсин сон, а потом окончательно ее разбудил.

Люся посмотрела на стенные ходики. Их стрелки показывали пятнадцать минут восьмого. Будильника на столе не было. «Ну и хорошо, что мужик засмеялся, – подумала Черепашка, – а то бы точно в школу опоздала».

Шлепая босыми ногами по холодному полу, она отправилась на кухню. С вечера мама предупредила, что уйдет на работу очень рано. Еще мама обещала завести будильник, но в спешке, наверное, забыла это сделать. Такое с ней случалось частенько.

На кухонном столе Черепашка обнаружила пустую сковородку, магнитола с раздвинутой во всю длину антенной и записку от мамы, в которой та велела дочери не лениться и поджарить себе на завтрак яичницу с колбасой. Антенна же магнитолы, почти упиравшаяся в навесной шкаф, свидетельствовала о том, что мама перед работой «гадала на радио». Это было ее собственным изобретением. Прибегала же она к нему в тех случаях, когда намечалось какое-нибудь важное событие и маме не терпелось узнать его исход. Способ был предельно прост, но, как утверждала Елена Юрьевна, безошибочен. Иногда, чаще всего по выходным, они гадали вместе с Черепашкой. Все, что требовалось, это заранее настроить приемник на «Наше радио» (так как на этой волне крутят песни только на русском языке), затем мысленно или вслух задать волнующий тебя вопрос, посчитать до трех и включить приемник. Если в этот момент по радио передавали новости или рекламу, всю процедуру следовало повторить спустя несколько минут. Та строчка песни, на которую ты в конце концов попадал, и служила ответом на волнующий вопрос.

Черепашка обычно подсмеивалась над мамой. Сейчас же она стояла перед приемником и боролась с искушением спросить у радио, что означает ее необыкновенный сон. В тот момент, когда рука уже потянулась к кнопке, Люся почувствовала, что сердце ее сделало два лишних удара. Она волновалось, и это было удивительно и странно. Раздался тихий щелчок, и грустный мужской голос проникновенно запел: «Зачем топтать мою любовь? Ее и так почти не осталось...» Слова эти моментально отозвались в душе Черепашки щемящей болью. Но она не успела прислушаться к своим ощущениям, потому что в следующую секунду из прихожей раздалась унылая электронная трель. Такой уж немелодичный голос был у дверного звонка.

Вопреки обыкновению, Люся посмотрела в «глазок». На пороге стояла Лу Геранмае – самая близкая, а вернее, единственная подруга Черепашки.

– Лу! – не сдерживая радости, выкрикнула Люся и широко распахнула дверь.

Подруги кинулись обниматься. Можно было подумать, что они не виделись целую вечность. Впрочем, это почти так и было. На все зимние каникулы мама увезла Луизу в загородный дом. Конечно, Лу настойчиво предлагала Черепашке поехать с ними, но Люся при всем желании не могла принять это предложение: ей необходимо было подтянуть геометрию. Юрка Ермолаев, их одноклассник, который жил в том же подъезде, только на первом этаже, активно помогал Черепашке в постижении теорем и аксиом. И вот теперь, после двухнедельной разлуки, подруги встретились.

– Ну как ты? – Черепашка осторожно дотронулась до густых, иссиня-черных волос Лу, будто желая удостовериться, что перед ней не мираж, а настоящий, живой человек.

Лу была значительно крупнее и почти на полголовы выше ее и, в отличие от самой Черепашки, ни капли не походила на существо, сотканное из света и воздуха.

– Нормально, только скучотища там дикая! Одно слово – деревня! – Лу тряхнула волосами, и на Черепашку повеяло знакомым, чуть сладковатым запахом ее духов.

– Ну, а ты как тут, без меня? Небось весь учебник наизусть вызубрила? Слушай, а ты чего это еще не собралась? – Лу быстрым взглядом окинула Черепашку с ног до головы.

Та стояла босиком, непричесанная, во фланелевой пижаме с желтыми утятами. Люся виновато поправила очки, сползшие на кончик носа.

– А Лелик где? – внезапно Лу перешла на свистящий шепот. – С утра пораньше на телевидение свое укатила?

Люсину маму подруги называли между собой Леликом, потому что именно так обращались к ней все ее друзья и сослуживцы.

– А ты чего такая кислая? Не выпалась, что ли? – без умолку сыпала вопросами Лу.

Похоже, ответы на них ее ничуть не интересовали. Впрочем, это была обычная манера Лу, к которой Черепашка за семь лет их дружбы давно успела привыкнуть. На секунду Лу замолчала, вся как-то напряглась, а потом опрометью, не разуваясь, кинулась на кухню. Черепашка машинально выключила в прихожей свет и поплелась за подругой. Не то что бы Люся чувствовала себя невыспавшейся, просто ей действительно было как-то не по себе, она как будто бы все еще находилась в своем сне, и больше всего на свете ей хотелось сейчас рассказать о нем Лу. Но той явно было не до того. Врубив приемник на полную громкость, Лу стояла посреди кухни и округлившимися от удивления глазами таращилась на Черепашку:

– Ты что, новый альбом Земфиры прикупила?

– Да это радио, – отмахнулась Черепашка.

– То-то я думаю: с каких это пор ты такой продвинутой стала? А жаль! – разочарованно протянула она и добавила без паузы, сияясь перекричать музыку: – Нельзя же всю жизнь одну классику слушать! Так и засохнуть недолго!

Люся не стала ничего отвечать. Невольно она начала вслушиваться в слова песни. Чистым, тревожным, проникающим в самое сердце голосом Земфиры пела про то, что она якобы разгадала знак бесконечности. И снова на Черепашку нахлынуло ощущение ее странного сна.

– Лу, мне надо тебе кое-что рассказать... – решила наконец Люся. – Сделай, пожалуйста, потише.

Лу моментально исполнила ее просьбу, села на табуретку и, устремив взгляд внимательных черных глаз на подругу, распахнула дубленку. Подперев подбородок рукой, она приготовилась слушать.

Отец Лу был арабом. Ее мама познакомилась с ним в университете, на первом курсе. Тогда же ее родители поженились, а через год родилась Лу. По настоянию отца девочку называли Луизой. С таким не очень привычным для русского слуха именем ее мама смирилась, но когда речь зашла о том, чью фамилию дать ребенку, матери – Сорокина или отца – Геранмае, она всеми силами пыталась настоять на своей, русской, фамилии. Но гордый и своенравный Мухамед Геранмае и слушать ничего не желал: дочь должна носить фамилию его благородных предков, в чьих жилах течет исключительно королевская кровь. И мама Лу уступила, потому что очень любила тогда своего мужа. Однако родители прожили вместе недолго. Они развелись, когда Лу и двух лет не было. Понятно, что она не могла помнить своего отца. Но в семейном фотоальбоме во множестве имелись его фотографии. Глядя на них, Лу не без удовольствия отмечала, что ее отец – настоящий красавец, а стало быть, она тоже красавица, потому что была как две капли воды похожа на него.

Частенько при знакомстве с очередным кавалером Лу выдавала себя за внучку цыганки. Вообще-то Лу обожала «вешать лапшу на уши» и приписывать себе всяческие необыкновенные, паранормальные способности. То она умеет видеть через стену, то мысли на расстоянии читает, как газету, а то и вовсе медиумом себя назовет: она, дескать, по ночам общается с душами умерших. На ребят, особенно на сверстников, это обыкновенно производило очень сильное впечатление. Впрочем, чем-то таким необычным Лу и правда обладала. Не в такой,

конечно, степени, как хотелось бы ей самой, но все-таки! Уж кто-кто, а Черепашка – ее самая близкая подруга – уже не раз в этом убеждалась.

Во-первых, Лу совсем неплохо гадала на картах. Почти все ее предсказания сбывались. Еще она каким-то непостижимым образом умела предугадывать события. Возможно, у нее просто была очень развита интуиция, но так или иначе, если, например, Лу говорила Черепашке: «Можешь не париться, тебя сегодня не вызовут», – в девяносто девяти случаях из ста именно так и происходило.

Девчонки в классе буквально замучили Лу просьбами разгадать их сны. Впрочем, она редко кому отказывала. Надо же было поддерживать имидж сверхчувствительной особы! Черепашка же обратилась к ней с такой просьбой впервые. Ведь она никогда не помнила своих снов. Возможно, именно по этой причине Лу слушала подругу с исключительным вниманием. Она буквально впилась в нее своим просвечивающим насквозь взглядом. Ни разу не перебила, хотя и очень хотелось – ведь Люсина плавная и неторопливая манера говорить всегда немного раздражала взрывную, реактивную Лу. Черепашка наконец замолчала. Лу тяжело вздохнула, посмотрела на свои маленькие (но при этом золотые швейцарские) наручные часики и изрекла тоном врача, ставящего диагноз смертельно больному человеку:

– Ну, Черепашка, на физику мы с тобой уж точно опоздали... – И вдруг неожиданно весело предложила: – Слушай, а давай забудем сегодня на школу?!

– Нет, – решительно мотнула головой Люся. – Второй урок – геометрия. Ты как хочешь, а я пойду.

И по ее скучному, бесцветному голосу и интонации, с которой эти слова были произнесены, Лу поняла, что спорить и уламывать подругу бесполезно: даже если сейчас снег грянет с небес сплошной лавиной или ураган сорвет с дома крышу, ее настырная Черепашка сквозь бурю и ветер, рискуя собственной жизнью, поползет в школу, за знаниями. Лу снова вздохнула, лицо ее тотчас же посерьезнело, вернее, оно посуровело, и прекрасная прорицательница приступила к расшифровке сна:

– Сон твой, безусловно, знаковый, – средним пальцем правой руки Лу медленно проводила по левой брови, – то есть каждый образ в нем означает определенное событие будущего. И я искренне желаю тебе, подруга, чтобы этот сон не оказался вещим. Хотя это очень маловероятно: во-первых, день сегодня такой – сны с тринадцатого на четырнадцатое января обычно сбываются, во-вторых, сегодня пятница. А в-третьих, тот факт, что ты его запомнила, первый раз в жизни, можно сказать, сам по себе говорит о том, что все это не просто так.

После этих слов Черепашка почувствовала, как внутри у нее что-то оборвалось. Так бывает, когда прыгаешь вниз с приличной высоты или когда катаешься на подвесных качелях и обрушиваешься с головокружительной скоростью, чтобы потом снова взлететь... Люсе казалось, что в лице ее ничего не изменилось. Однако это было не так, потому что в следующий миг Лу еще пристальней посмотрела на нее и сказала:

– Да ты не дергайся раньше времени, Че!

Теперь Черепашка знала наверняка: над ней действительно нависла серьезная угроза. Потому что Лу называла ее Че только в самых исключительных случаях. Например, когда в прошлом году ее мама неожиданно попала в больницу с приступом аппендицита и Лу узнала об этом первой, она сказала: «Че, ты только не волнуйся, но нашего Лелика забрали в больницу».

Между тем Лу продолжала вещать:

– В одной умной книжке я как-то прочитала, что знаки в виде снов, предчувствий и всего остального даются людям свыше, и не просто так, а чтобы предостеречь их от совершения непоправимых ошибок. Ведь если ничего изменить было бы уже нельзя, зачем тогда об этом знать? Ты понимаешь, к чему я это говорю?

Черепашка пожала плечами и опустила голову.

– Я, конечно, разгадаю твой сон, вернее, я его уже разгадала, но лишь для того, чтобы ты с этой минуты стала бдительной, внимательной и осторожной. Ты не должна позволить событиям, о которых я тебе сейчас расскажу, произойти, – проговорила Лу, словно припечатывая каждое слово кирпичом.

Черепашка выдвинула из-под стола табуретку и медленно опустилась на нее лицом к окну. Только после этого Лу стянула с плеч рыжую коротенькую дубленку, положила ее на колени, отхлебнула холодного чаю из чашки со следами перламутровой помады Лелика и тихим, каким-то даже загробным голосом начала:

– Кошка означает коварство, обман, предательство. Черная птица – болезнь. Размеры птицы определяют степень тяжести болезни.

Всегда, когда Лу принималась разгадывать сны, в речи ее появлялись слова и выражения абсолютно несвойственные ей в обычной жизни.

– Но мне приснилась не кошка, а кот, – робко попыталась возразить Черепашка.

Но Лу грустно улыбнулась:

– Это не имеет никакого значения, кот или кошка. Скажи, а ворона была очень большой?

Люся обреченно кивнула и, широко разведя руки в стороны, продемонстрировала подруге внушительные размеры приснившейся птицы.

– Да-а-а... – задумчиво протянула Лу. – Получается, болезнь к тебе придет через этот обман. Потому что кот превратился в ворону. И все это будет связано с любовью.

Черепашка обернулась и удивленно вскинула брови. Ведь Лу, как никто другой, знала, что у нее ни разу в жизни не было ни одного романа и, похоже, в обозримом будущем не намечалось. Даже в детском саду ей никто из мальчиков не нравился. К известным киноактерам, певцам, спортсменам и прочим кумирам большинства современных девчонок Черепашка относилась более чем спокойно. Иногда Люсе казалось, что ее вообще никто и никогда не полюбит. А значит, и она тоже не сможет никого полюбить. Потому что любовь без взаимности Черепашка считала чем-то не вполне нормальным, во всяком случае применительно к себе самой.

– Чего ты так смотришь? – Лу слегка повысила голос. – Я тебе точно говорю: тебя ждет любовь... Новые туфли с золотой пряжкой ни на что другое указывать не могут. И должна тебе сказать, что это будет какой-то очень красивый юноша. А туфли, говоришь, тебе жали?

– Самую малость, – смущенно улыбнулась Люся.

Ей до ужаса хотелось, чтобы хоть что-то в ее сне оказалось хорошим знаком. Но подруга словно не слышала ее замечания:

– Красивый, но как бы не для тебя... То ли он будет младше тебя, то лиглупей, не знаю. – Лу улыбнулась. – Тут я точно сказать не могу. А шляпка какой была? Постарайся вспомнить подробнее.

– Ну... – Люся потерла пальцами лоб, напряженно всматриваясь куда-то в окно, – синяя... нет, голубая, очень красивая, вся в кружевах и во-о-от с такими огромными полями. И она была мне очень к лицу.

– В ближайшее время ты должна получить неожиданное... просто очень неожиданное известие. Скорее всего, это будет какое-то приглашение или предложение... Значит, туфли и шляпка были одного цвета? – Лу недоверчиво сощурилась.

Так она всегда делала, когда в чем-то сомневалась.

– Кажется, одного, – подтвердила Черепашка. – Ну если не точь-в-точь, то очень близкого. Туфли, платье и шляпка были подобраны в тон.

– Поздравляю... – Лу, будто думая о чем-то своем, медленно покачивала головой. – Значит, и это неожиданное известие будет от него, и обман, и заболеешь ты тоже по его вине.

– Чушь какая-то! – не выдержала Черепашка и резко обернулась к Лу.

Все это время она смотрела в окно, лишь изредка бросая на подругу недоверчивые взгляды.

– Хорошо, если так. – Лу хранила невозмутимость и спокойствие.

– Откуда он возьмется, этот коварный искушитель? С неба, что ли, упадет?

– На этот счет в твоём сне никакой информации не содержится. Может, и с неба, – пожала плечами Лу.

Больше всего она не любила, когда её пророчества подвергали сомнениям. Но уже в следующую секунду глаза её заблестели, и она заговорила в обычной своей манере – горячо и быстро:

– Какая нам с тобой разница, откуда он возьмется? Возьмется, вот увидишь! И очень даже скоро. Главное-то не это! Главное не допустить, чтобы ты из-за него страдала. Не позволить ему обмануть тебя – вот наша задача, понимаешь?

– Но ведь это всего лишь сон, – ни в какую не сдавалась Черепашка. – Он же может и не сбыться!

– Конечно, может, – после короткой паузы согласилась Лу. – Я же не знаю, вдруг ты фильм про какую-нибудь красавицу в голубых одеждах недавно смотрела или книжку читала... Ты же у нас – девушка впечатлительная... Если тебе так легче, выброси из головы все, что я тебе тут наговорила! – Лу резко отодвинула от себя чашку и поднялась: – Ладно, собирайся, а то и на геометрию свою любимую опоздаешь.

3

Расписание изменилось. Так часто бывает в начале четверти. И хотя изменилось оно несущественно – просто два урока поменяли местами, – но Черепашку этот факт очень огорчил, потому что вместо физики первым уроком поставили геометрию. А она так искренне не хотела ее пропускать! Теперь Люсе было стыдно взглянуть Юрке Ермолаеву в глаза. Ведь он целых две недели, не жалея ни времени, ни сил, объяснял ей тему за темой. И что в итоге? Первый же урок – и прогул. Любой бы на месте Юрки обиделся. И был бы прав. Любой, но только не Юрка.

– Привет! У тебя ничего не случилось? – подбежал к ней Ермолаев, едва прозвенел звонок на перемену.

– Нет, просто Лу ко мне зашла, и мы заболтались... – Черепашка заглядывала Юрке в глаза, пытаясь определить, обиделся он или нет.

Врать она совершенно не умела и никогда не делала этого. Даже в мелочах Черепашка всегда говорила правду.

– Ладно, не переживай. Все равно сегодня ничего нового не проходили, – примирительно сказал Юрка, заметив ее виноватый вид. – Ресторацию посетить не желаете? – Он щелкнул каблуками, склонил голову и тут же резко вскинул ее.

Черепашка улыбнулась. Таким галантным способом Юрка Ермолаев приглашал ее посетить школьный буфет. Она знала все его шуточки и приколы наизусть, но, даже повторяясь, Юрка всегда умудрялся быть забавным и искренним. «Жалко, что он мальчишка! – часто думала Черепашка. – Вот из кого классная получилась бы подружка!» Конечно, Люся считала Юрку своим другом, самым настоящим, верным и преданным. Еще бы! С самой ясельной группы детского сада они были почти неразлучны. Но все равно, какими бы близкими ни были их отношения, ему она не смогла бы доверить и сотой доли тех секретов, какими запросто делилась с Лу. Что касается отношений Юрки и Лу, то эти двое откровенно недолюбливали друг друга. Возможно, виной тому была Черепашка, которую они неосознанно друг к другу ревновали.

– Ну так как, сударыня, вы принимаете мое приглашение? – Юрка скроил обиженную физиономию. – Или пошлете? В смысле, в буфет, давиться булками с изюмом в одиночестве?

И тут Черепашку словно током ударило! «Неожиданное известие, скорее всего приглашение...» – эхом прозвучали в ее голове слова Лу. Она испуганно посмотрела на Юрку и машинным жестом поправила очки.

От его внимательного взгляда не ускользнуло странное, непривычное выражение ее глаз.

– Чего ты на меня так смотришь?

– Нет, нет, – поспешила успокоить его Черепашка. В этот момент она почувствовала, как горячая кровь ударила ей в лицо. – Я не хочу есть. Ты иди, мне надо срочно поговорить с Лу.

– Не наговорились еще? – с упреком бросил Юрка, развернулся и зашагал к лестнице.

«Неужели это он? Но ведь я его совсем не люблю... Вернее, люблю, конечно, но как друга, а не как... – Сбивчивые мысли, наскакивая одна на другую, быстро проносились в голове. – И разве может Юрка меня обмануть? И потом, он же совсем некрасивый...»

Юрку и в правду нельзя было назвать красавцем, но симпатичным – вполне. Черепашка же настолько привыкла к нему, что, если бы кто-то сказал ей, что Юрка Ермолаев – очень даже ничего, она бы сильно и искренне удивилась. Между тем он был высокий, широкоплечий, стройный. Темные, густые, прямые и жесткие, как проволока, волосы Юрка обычно зачесывал назад, открывая на всеобщее обозрение высокий выпуклый лоб. Глядя на этот могучий лоб, каждый понимал: перед ним если не будущий академик, то уж кандидат наук точно. Его зеленые глаза были далеко посажены друг от друга, а брови стояли домиком, придавая Юркиному

лицу немного обиженное выражение. Разве что губы немного портили его, отличаясь излишней полнотой и яркостью. Вот если б девчонке достались такие губы, это было бы совсем другое дело! И то ли Юрка без конца их облизывал, то ли в его организме не хватало каких-то витаминов, но только его пухлые, ярко-красные губы почти всегда были сильно обветренными и потрескавшимися. А еще у Юрки была привычка пальцами общипывать с них шелушащиеся чешуйки. Черепашка уже устала делать ему замечания. А зачастую, едва Юрка подносил пальцы ко рту, она просто шлепала его по рукам, и он никогда не обижался на нее за это.

Лу стояла в окружении одноклассниц и оживленно о чем-то щебетала. Катя Андреева – невысокая с короткой стрижкой девочка – так заслушалась, что даже рот в изумлении приоткрыла.

– Лу! – Черепашка нетерпеливо потянула подругу за рукав. – Ермолаев пригласил меня в буфет, представляешь?

– Поздравляю! – Лу смотрела на нее с недоумением.

Погрузившись в события школьной жизни, она успела позабыть обо всем, что случилось утром. Она вообще очень легко переключалась с предмета на предмет, легко переходила с шепота на крик, а с плача на хохот. Таким уж легким человеком была Лу Геранмае.

– Сон начинает сбываться!

Из-под толстых, в четыре с половиной раза увеличивающих стекло, на Лу смотрели широко распахнутые серые глаза подруги. Лу ясно видела, что та взволнована не на шутку.

– С чего ты взяла? К тебе уже кто-то подошел?

– Я же говорю, Юрка Ермолаев пригласил в меня в буфет! Три минуты назад. – Черепашка старалась сохранять спокойствие, но, если честно, у нее это получалось плохо. Только теперь до Лу начал доходить смысл сказанного.

– Ну при чем тут Ермолаев?! – почти закричала она. – Ты его сколько уже знаешь? Лет триста? А туфли были новыми! Люсь, я, конечно, понимаю, ты человек ранимый, впечатлительный, но не до такой же степени! Успокойся и возьми себя в руки! И вообще, если б я знала, что ты начнешь с ума сходить, никогда бы не стала твой сон дурацкий разгадывать! Тоже мне, нашла красавца! Леонардо ди Каприо!

И неизвестно, сколько бы еще продолжала возмущаться Лу, если б не звонок на урок, прозвеневший в следующую секунду. Нехотя ребята потянулись в класс.

– А вот и он. Легок на помине! – пренебрежительно бросила Лу подбежавшему к ним Ермолаеву.

Тот, пропустив ее замечание мимо ушей, протянул Черепашке белый прямоугольник во много раз сложенного листка:

– Держи! Передать велено.

– Мне? – Люся рассеянно сунула записку в карман.

Она была уверена: это очередной ермолаевский прикол. То же самое подумала в этот миг и Лу. Ведь Ермолаев был большим мастером на всякие такие штучки.

– Ну не мне же! – Юрка недоверчиво покосился на Люсю. – Какая-то ты сегодня не такая... Тормозишь все время...

– Так ведь она у нас кто? Че-ре-паш-ка! Как же ей не тормозить! – отшутилась за подругу Лу.

– А тебе, Геранмае, слова никто не давал, – довольно грубо оборвал ее Юрка.

Лу презрительно фыркнула, но и только. Сейчас ей было лень вступать с Ермолаевым в перебранку. И потом она отлично понимала: ее шансы на победу в этой словесной дуэли равнялись нулю. Конечно, Лу тоже никогда за словом в карман не лезла и могла уложить на обе лопатки кого угодно. Но только не Юрку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.